

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
КОВЧЕГ 5.0

МЕСТО
ПОД СОЛНЦЕМ

Андрей Александрович Васильев

Место под солнцем

Серия «Ковчег 5.0»

Серия «Группа Свата», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12196636

Место под солнцем: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва;

2015

ISBN 978-5-9922-2078-0

Аннотация

Когда ты попадаешь в новый для себя мир, то тебе все кажется непривычным. Но когда этот мир оказывается совершенно не таким, каким его обещали рекламные проспекты, – это уже не только непривычно, но еще и не слишком комфортно. А уж когда выясняется, что это вообще не тот мир, в котором ты хотел очутиться, то жить становится совсем невесело. Но надо. И не просто жить, а попытаться отвоевать в нем для себя и для тех, кто встал рядом с тобой плечом к плечу, свое место под солнцем.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Андрей Васильев

Место под солнцем

Часть первая

Глава 1

– Еще три текилы. – Я показываю Почтальону, лучше-му бармену клуба «Хвост ящерицы», три пальца, поскольку за грохотом музыки он может меня попросту не услышать. Впрочем, так делают все: клуб – он такой клуб. Это не читальный зал библиотеки, сюда люди приходят не за тем, чтобы листать фолианты и чинно беседовать друг с другом.

– Еще по одной – и все. – Марика наклоняется к моему уху и буквально вдавливая в него свои губы. – Иначе я могу пойти вразнос.

– Только этого и жду.

Каким образом Жека умудряется ее расслышать, для меня остается загадкой, но факт остается фактом – как и прежде, он ловит каждое слово, вылетающее из ее уст. Ничего не меняется, и это здорово – хоть какая-то стабильность есть в нашем шатком мире.

Сегодня третье сентября, день рождения Марики. Ко-

гда-то очень давно, в другой жизни, когда мы все еще учились в академии и искренне верили, что сможем перевернуть эту вселенную даже без помощи какого-нибудь рычага, Марика сама учредила традицию праздновать его. Она всегда была такой, особенно по сравнению с остальными девушками из нашей группы – зажатыми и достаточно чопорными особами. Марика же постоянно фонтанировала идеями, и девять из десяти нарушений дисциплины проходили либо при ее участии, либо ею же и были организованы. Охранники гауптвахты ласково называли ее: «Наша звезда».

И так год за годом мы – сначала студенты, а после уже клерки, чиновники, служащие – собирались для того, чтобы отпраздновать это событие – день рождения любимицы нашей славной группы 211-Д. День рождения Марики.

Но время сурово, и законы его неизменны. С каждым годом все больше и больше наших однокашников не приходило на этот праздник. Кто-то сменил место жительства, кто-то просто пропадал в никуда, не отвечая на звонки. Я иногда даже думал, что некоторых, может, и в живых-то уже нет. Шло время, и в результате нас осталось только двое, тех, кто всегда приходил на эту встречу. Точнее, трое – я не посчитал саму Марику. Теперь нам не нужен был большой стол, ведь три человека свободно могут сидеть даже за барной стойкой. Тем более так выходит дешевле. Аренда стола денег стоит, а с ними всегда проблема...

Вот и в этот раз мы выпивали, расположившись на высо-

ких табуретах и опираясь локтями на отполированный пластик стойки. Как и всегда. Справа от Марики расположился я, а слева – мой лучший друг, Женька, Жендос, Жека, Евгений Малышев. В академии Жеку пытались поначалу звать Малышом, но это прозвище не прижилось – в комплекте с почти двухметровым ростом и невероятной похожестью Женьки на шкаф оно не производило нужного эффекта. Даже комического. За прошедшие тринадцать лет он еще больше раздался вширь, но это был не жирок, как у меня, а исключительно мышечная масса.

Работу после того, как мы разбежались в разные стороны, Женька выбрал по душе, может, единственный из нас всех. Он стал полицейским. Его всегда прельщала форма, оружие и возможность на законных основаниях бить людей. Последнее, разумеется, шутка. Но он действительно любил свою службу, хотя, как и положено стражу закона, много работал и мало зарабатывал. Впрочем, кто сейчас зарабатывает много? Точнее, что можно купить за деньги? Разве только другие деньги, виртуальные.

Марика именно этим и занималась. Она устроилась к отцу, владельцу одной из крупнейших мировых бирж, и сделала неплохую карьеру. Уверен, что злые языки молотили вовсю, утверждая: это только потому, что она дочь босса. Не стоило им верить: Марика была талантлива во всем, за что бы ни бралась. Я так думаю, что бог, про которого в последнее время снова стали поговаривать, поцеловал ее

в темечко при рождении, таким образом презентовав ей массу талантов, в том числе и деловых. Я точно знал: большинство сделок, за которые она бралась, приносили ее отцу баснословные прибыли. Жалко только, что он не слишком доверял банкам. Точнее, он доверял только одному банку – своему собственному. Нет, правда, жаль – за такого клиента стоило бы побороться.

Жалко же было мне потому, что это напрямую соприкасалось с моей работой. Когда я плюнул на все, чем занимался после выпуска из академии и чему отдал несколько лет своей жизни, то отправился к своему дяде, который занимал должность заместителя председателя правления в одном из крупнейших московских банков.

Не скажу, что он обрадовался моему визиту, точнее, тому, что я, окончив учебное заведение со звучным названием, но не слишком профильное для того места, где он работал, пришел к нему. И все же родственные связи принесли желаемый результат, и я получил низовую должность в отделе казначейства.

Собственно, на этом в рассказе обо мне можно ставить точку. Ну, может, только добавить, что я дошел до поста заместителя начальника казначейства, но это всего лишь красивое словосочетание. Занимаюсь я ровно тем же, что и тринадцать лет назад. Тем, чем занимаются почти все жители старушки Земли, – изображаю, что живу и что-то делаю. На самом деле здесь уже давно никто ничего не делает,

все это – мышьяная возня. Земля стала похожа на сброшенную змеиную кожу – она сухая, шуршащая и пустая внутри.

Ее выдоили ресурсодобывающие мегакорпорации, неразумные правительства, алчные предприниматели. Землю убили ее же дети. Они опустошили ее нутро, уничтожили леса и луга, вычерпали из морских глубин все, вплоть до последних мальков. Землю колотило в предсмертных судорогах, но люди не желали этого замечать, уподобившись страусу, который сует голову в песок и отключивает зад.

– Ваша текила! – перед нами появились три рюмки с синтетическим спиртным. Почему синтетическим? Вы знаете, сколько сейчас стоит бутылка самой простой текилы, сделанной из натурального, органического сырья? Такое не все себе могут позволить даже на Новый год. Нет, Марика может даже принять ванну из настоящей текилы, но она не станет изображать из себя мецената, она слишком уважает нас. Тем более после пятой стопки вкус синтетики и органики все равно не различим.

– За тебя, Мар! – гаркнул я.

– Всегда за тебя! – привычно поддержал меня Женька.

Мы стукнули рюмкой о рюмку, переместили содержимое в рты, переглянулись, подмигнули друг другу и перешли к еще одной традиции – запели.

Песню эту откопал Женька на каких-то немислимых древних сайтах в Сети, но она идеально подходила для нашего праздника. Речь в ней, правда, шла больше о несчастной

любви, как это и водится, а потому она, конечно, Жеке была ближе, но я всегда был готов поддержать друга во всем и потому усердно выводил: «И снова третье се-э-энтября, и это все лишь для тебя-а-а».

Голосили мы, как заведено, каждый по-своему – я дурашливо, а Женька – с невероятно серьезным выражением лица. Он вообще ко всему, что связано с Марикой, относился очень и очень серьезно, поскольку любил ее с того дня, когда впервые увидел. Он был ее тенью все годы учебы и, уверен, не терял из виду ни на день и после окончания академии. Не удивлюсь, что и в полицию он пошел только за тем, чтобы иметь доступ к средствам слежения и контроля за населением, точнее – за одним конкретным человеком.

Но в этом не было ничего маниакального или нездорового. Он просто ее любил, вот и все. Это знал он, она, я – да все. И никто над ним не смеялся. Но ничего и не происходило – она не любила его. Совсем. Разве только как друга, но не более того. Это тоже знали все. Не уверен, что Марика вообще к кому-то испытывала нежные чувства, поскольку ей выдали при рождении красивую внешность, немалые таланты и доброту, но не снабдили чем-то таким, что заставляет сердце биться сильнее обычного. Так бывает.

Мы допели песню, причем на ее последних словах я обратил внимание на то, как забавно мы смотримся в зеркальном отражении, — за спинами барменов, за полками со спиртным, все было декорировано зеркалами. В них отражались

и танцующие люди, и спина Почтальона, и мы трое – здоровяк Жека, раскрасневшаяся Марика и, собственно, я – Станислав Воробьев, типичный московский обыватель со всеми стандартными для моего класса признаками – намечающимся брюшком, первыми залысынами, псевдоитальянским костюмом и очками в оправе из липового золота. Все мы – те, кого иногда называют «средним классом», чем-то похожи, как дети из инкубатора. То ли чертами лиц, то ли одеждой, которая больше напоминает униформу, а может, отсутствием блеска в глазах, который есть у тех, кто обладает целью в жизни. Настоящей целью. У нас ее больше нет. Она ушла с юношескими надеждами, встречами рассвета и жаждой все изменить.

«Черт, все-таки они что-то мешают в эту синтетическую текилу, иначе откуда такие мысли в голову лезут», – подумал я и, прищурившись, глянул на бутылку, которую бармен поставил на стойку. Этикетка была не видна, так что понять, что именно мы пили, не удалось. Взгляд зацепился за экран плазмы, работавшей в фоновом режиме и показывавшей очередной Si-Fi-сериал, что-то про подземелья, по крайней мере телегерой шнырял именно по ним.

Собственно, в этот момент меня и накрыло. Наверное, это не самый лучший термин для происходящего, но другого не подберешь.

Нечто темное и багровое ударило по глазам. Тьма окутала мир, а затем я на секунду увидел яркий крест, как буд-

то молнии прочертили небосвод. Крест вспыхнул и погас, как изображение на экране телевизора.

Снова молнии. Много, они несутся мне навстречу, а я как будто лечу, лечу...

К изображению добавляется звук, и это – звук битого стекла. Какого черта?

Яркий свет в конце тоннеля, я понимаю, что мне навстречу летит монопоезд, и инстинктивно закрываюсь руками, давая себе зарок больше никогда не пить синтетического спиртного. Или даже вовсе больше никогда не пить.

Еще одна вспышка, и я перестаю вообще что-либо ощущать. Меня нет.

Тишина – вот что поразило меня после прихода в себя. Тишина – это то, что почти недоступно жителям земных городов последние лет триста. Гул машин, самолетов, постоянно доносящаяся откуда-то музыка стали привычной какофонией для наших ушей, от которой не спасали ни пластиковые окна, ни специальные гермозатворы. Впрочем, всерьез страдали только те, кто приехал в большие города недавно, для коренных горожан это было не более чем фоном, их слух сам отбрасывал в сторону ненужные звуки, как шелуху от семечек.

А здесь такого не было. Нет, какие-то звуки были, но непривычные. Шелест листвы и что-то еще, вроде как ветер деревья с небольшим скрипом шатает. А где все остальное? И почему мне так неудобно лежать? Дискомфорт, я бы

сказал.

Я открыл глаза и удивленно моргнул. Земля. Я лежу на земле. Нет, понятно, что не на Марсе, но какого черта я тут делаю? И где это «тут»?

Так. Все сначала. Я выпивал в баре, смотрел на себя самого в зеркало, а потом... Потом... Потом я валяюсь на земле. Ерунда выходит.

А неудобство, похоже, вызвано двумя причинами: во-первых, я лежу на каких-то сучках, которые впиваются в тело, а во-вторых, судя по ощущениям, я голый. Голый?

Я, охнув, поднялся на ноги и глянул вниз. Ну да, голый. Грудь... Живот... хм... Агрегат, ступни – все это не прикрыто ничем. Черт, да что же происходит, а?

А может, реалити-шоу? Телевизионщики в последнее время и не такие штуки откалывают. В погоне за рейтингами и баснословными прибылями они давно уже плюнули на возможные судебные иски и элементарные правила приличий. А что, им ничего не стоит забросить десяток-другой голых людей на какой-нибудь остров, чтобы они там друг дружку гнобили за Большой Приз. Вроде я что-то такое даже читал... Или видел?

Я повертел головой, рассчитывая разглядеть на деревьях камеры. Не увидел, не было там ничего такого. Но зато я заметил висящий прямо в воздухе и мерцающий зеленым цветом текст. словно транспарант, он вольготно раскинулся между двух берез. Что все-таки мешают в эту текилу?!

«Перенос совершен условно успешно!
Далее...»

Какой перенос? Что за перенос? Я не просил меня никуда переносить! Верните меня в бар! А может, я – того? Ну, как следствие усиленной мозговой деятельности... Безумие в наше время – дело обычное, это в старые времена скорбные главой были исключением из правила, сейчас, в эпоху транквилизаторов, антидепрессантов, релаксантов и пси-допинга подобные вещи становятся нормой.

Но почему тогда все так... Я не знаю... Натурально? Деревья качаются, босым ногам холодно, локоть чешется, на пузе, вон, следы от сучков остались, тех, на которых я лежал. Галлюцинации не могут быть такими детальными, это я точно знаю.

– Вот же черт! – Я взмахнул руками, выражая свое отношение к происходящему, и замер, заметив еще одну аномалию.

В поле моего зрения появился курсор. Обычный курсор, как на мониторе. Видно, взмах активировал вживленные невесть когда в пальцы манипуляторы (это делали почти все, с появлением виртуальной клавиатуры стучать по олдскульным клавишам не хотел никто), и они сработали так, как и должны были.

Стоп. Что значит – как должны были? Я что, нахожусь

внутри компьютера? Я теперь – гремлин?

Надпись замерцала сильнее, видимо, предлагая мне что-то вроде: «Нажми на меня». Нет, я ни фиги не гремлин. Я – Алиса мужского пола и попал в Страну чудес. Сейчас нажму на надпись и побегу за волшебным средством, на котором будет написано: «Съешь меня».

Курсор подполз к надписи, чуть щелкнул, активируя ее, и моему взору открылся новый текст.

«Добро пожаловать в Ковчег 5.0!

С момента глобальной аварийной активации прошло: 00.03.16.18... 00.03.17.19...

Поздравляем с успешным переносом вашей личности!

Внимание!

В данный момент информационная система критично перегружена! В связи с этим включена принудительная очередность доступа к информации любого толка! Желаете ли вы получить доступ к информационному источнику сроком на десять минут?

Да/Нет».

На ногах я не устоял и мягко осел на землю, не обращая внимания на то, что она была прохладная. Ковчег? Да ладно, это ж развод для лохов, я до сих пор улыбаюсь, вспоминая

восторги матушки по этому поводу. Но к источнику информации прильнуть надо непременно: когда я подам судебный иск на шутников, которые это придумали, адвокат одобрит, что я использовал все предложенные мне возможности.

«Ваш запрос удовлетворен! Вы внесены в список ожидания доступа. Ваш номер в списке – 41184428. Напоминаем, что вскоре каждый из участников проекта получит в инвентарь книгу знаний, содержащую информацию общего толка о последних событиях.

Советуем перейти к созданию нового имени для вас! Это обязательный шаг для получения доступа к информационным данным вашего воплощения!

Внимание! В связи с перегруженностью системы канал связи прерывается!

Внимание!

Не умирайте! Не умирайте! Не умирайте!

Ни в коем случае не допускайте смерти персонажа до дальнейших указаний!

Желаем вам удачи!»

Черт, а если это и вправду... Да ладно. Не может такого быть. Наверное, в этот момент я действительно приблизился к натуральному безумию – во мне начали спор два человека,

каждый из которых был мной самим.

Один утверждал, что все это фигня, и упрямо цеплялся за версию о проделках телевизионщиков. А может, это и во-все розыгрыш Жеки и Марики. Или еще какая-нибудь ерунда, но уж точно не отличная от нашего тварного мира реальность.

Второй был более лаконичен и в ответ на выпады первого отвечал коротко: «Ты попал».

И я больше верил именно второму. Потому что никто не станет городить такие дорогостоящие декорации ради розыгрыша, с этой целью мне проще в стакан слабительного напололам с рвотным сыпануть. И дешево, и сердито. А уж телевизионщикам я вообще на фиг не нужен, по крайней мере в проект с *таким* антуражем они скорее затащили бы медийных лиц, но никак не никому не известного клерка средней руки.

Так что зря я над маменькой потешался, это он, Ковчег. Чтоб его...

И, похоже, здесь все не слава богу, иначе чего бы с таким упорством мне талдычили: «Не умирай»? Ладно, потом с этим разберемся, вон, надо имя себе выбрать, сообщение об этом висит, и клавиатура к нему в комплекте. Я так думаю, что после этого что-то другое может открыться. Прочту все, что предлагают, а после думать буду.

«Введите имя для Вашего воплощения».

«Стас» .

Чего тут думать-то? Как мама с папой назвали.

«Данное имя уже занято. Предложите другой вариант» .

Стало быть, кто-то меня обшустрил. Обидно.

«Станислав» .

Длинно, но красиво.

«Данное имя уже занято. Предложите другой вариант» .

И тут промашка. Совсем обидно. Тогда...

Похоже, что народу в Ковчег прибыло немало, и подавляющая часть из них была «Стасиками», «Стасянами» и даже «Стасами 007». Какое сказочное свинство. Да что «Стас 007» – даже «Воробей», и тот был занят. Кем же мне быть? «СВ»?

Я без особой надежды набрал:

«Сват» .

Ну а чего? Тот же «СВ», только слово, а не аббревиатура.

«Принято!

Имя воплощения: Сват.

Желаем вам удачи, господин Сват!»

Как говорила одна из моих продвинутых подружек: «Ы»! Другое здесь не подходило. Называется, пошутил. Я теперь всем встречным и сват, и брат, выходит. Ладно, черт с ним. В конце концов, у меня могло хватить ума цифровой ник себе набрать, чтобы проверить, не зависла ли система. Я при регистрации на некоторых форумах так и делал. Только вот на форумах подобное имя не является проблемой, а здесь ходить каким-нибудь «45218584» будет офигительно весело.

Я усмехнулся. «Здесь ходить». Стало быть, я уже принял как истину, что я не на Земле. Ладно.

«Для вашей категории выбор расы недоступен. Окончательное завершение!

Для вашей категории выбор внешности и параметров недоступен! Меняется в зависимости от многих факторов».

«Категории»? А, речь, наверное, о виде аккаунта. Ну, это

ладно. Я на эльфа и не претендовал. Я вообще ни на что не претендовал, потому что не слишком во все это верил.

«Имя: Сват.

Раса: человек.

Пол: мужчина.

Внешность: аутентична оригиналу.

Параметры: аутентичны оригиналу».

Интересно, «оригиналу» – это тогда, когда с меня снимали матрицу, или оригиналу сейчас? Я кинул взгляд на живот и убедился – сейчас. «Тогда» у меня был пресс и даже пара кубиков на нем. Жаль, жаль, что здесь я нынешний, обросший офисным жирком.

«Характеристики.

Уровень: 0.

Ум: 1.

Сила: 1.

Ловкость: 1.

Телосложение: 1.

Свободные баллы: 0.

Текущий уровень жизни: 55/55.

Текущий уровень энергии: 25/25.

Текущий уровень бодрости: 98/100».

После этого сообщения посыпалась куча всякой другой ерунды о цвете глаз, волос, кожи, грузоподъемности и так далее. Читать это все я не стал, попросту перелистывая текстовые таблички одну за другой, пока наконец не закрыл последнюю. И все. Больше ничего не появлялось и не мигало, судя по всему, все, что мне хотели сказать, уже сказали. Велосело.

Я еще немного потыркался по разделам меню, мне попался таймер, какие-то цифровые коды и надпись: «Мир: Слияние 0.6.6.6».

Я встал с земли, отряхнул зад от налипшей на него хвои и каких-то соломинок, еще раз огляделся и вздохнул. Нет, это, конечно, прекрасный новый мир, но я не ставил перед собой цель в него попасть, в отличие от тех, кто ходил с плакатами: «Даешь переселение!».

Проект «Ковчег 5.0» появился еще до моего рождения, когда стало ясно, что нашей планете приходит конец. Нет, она вроде бы устойчиво висела в пространстве и все еще вращалась вокруг Солнца, но умники все чаще и чаще начали говорить о том, что это только до поры до времени. Варианты гибели Земля они выдвигали разные, каждый свой, но вывод был один на всех – очень скоро грянет апокалипсис. Так сказать – всеобщий Армагеддон.

Не то чтобы все сразу в это поверили, но червячок сомнения в душах людей поселился. И вот тогда был придуман Ковчег 5.0 – огромный космический корабль, на кото-

ром лучшие представители человечества должны были продолжить род людской после гибели Земли.

Как водится, будущих спасителей человечества формально вроде как отбирали по заслугам и степени таланта, но поскольку мы живем (точнее, уже жили) в реальном мире, основным критерием стала все-таки не полезность обществу и не уровень интеллекта, а толщина кошелька. Это же не голливудский фильм и не книга, тут о возрождении цивилизации речь не шла. Просто никто не хотел умирать. И кто смог заплатить за жизнь, тот и получил на нее право.

Именно финансовый аспект и поделил всех на чистых, условно чистых и нечистых. Первые получали возможность посмотреть на гибель Земли, вознесясь на небеса в комфортабельных каютах, вторые, к которым относился и я, на сеанс «Армагеддона в натуре» не допускались, но зато продолжали существовать в оцифрованном виде, ну а третьи могли проверить на собственном опыте, насколько были правдивы рассказы Иоанна Богослова. Так сказать, стать участниками финального шоу. И, судя по всему, они уже точно были в курсе, что к чему, но поделиться с остальными своими знаниями не могли.

Возможность жить мне подарила мама, на шестнадцатилетие. Она всегда была падкой на подобные вещи, плюс свое дело выполнил извечный инстинкт, подталкивающий женщин к тому, чтобы их дети жили долго и счастливо.

Родители вручили мне сертификат, позволяющий занять

свое место в виртуальном мире, и были так трогательно рады этому, что у меня язык не повернулся сказать им, как я отношусь к их затее. Я ставил это дело в один ряд с участками на Луне, личными именными звездами (теми, что на небе) и таблетками для похудения. Я даже сходил с мамой в компанию, которая этим занималась, и позволил вживить себе в голову какой-то чип. Очкарик в мятом халате долго и нудно мне объяснял, что этот чип перенесет мою личность в базу данных Ковчега, а когда наступит конец света, я попаду туда, куда захочу.

Выбор мест для переноса моей цифровой сущности был, к слову, невелик. Я тогда еще подумал, что за такие деньги они могли бы создать побольше всякого разного.

В ассортименте были представлены три мира.

Первый – фэнтезийный, с драконами, принцессами, гоблинами, гномами и всем прочим, что к этому прилагается. Назывался он Мэджик Дрим.

Второй – для любителей экстрима, Фьючер Дрим. Постапокалипсис, стрельба с двух рук, девушки в коже и с татуировками, баги и поиски водяного чипа.

Ну и третий – Нормалити. Просто обычная жизнь. Небоскребы, бары, «текила санрайз» и флирт всех степеней тяжести у бассейна. И даже работа.

Причем предполагалось, что все это будет на очень, очень долгое время. Мы не должны были умирать, мы могли жить в этой виртуальной реальности если не вечно, то очень долго.

Надо полагать, до той поры, пока не накроется медным тазом система жизнеобеспечения корабля. Создатели Ковчега называли это проектом мягкого угасания.

За идею я тогда поставил яйцеголовым фантазерам и тому финансисту, который все это придумал (а с моей точки зрения, это был стопудовый развод. Ну а как иначе?), пять с плюсом. Но вслух этого не сказал – со мной в компанию пошла мама и внимательно следила за происходящим. Поэтому я просто ткнул пальцем в фэнтезийный мир и сообщил очкарику:

– Хочу быть Черным Властелином!

Собственно, вот и все. Нет, я еще как-то раз через пару лет зашел в свою учетную запись и поигрался с редактором – вытянул себе нос, забабахал огромный пузень и еще одну штуку сделал до колен. Прикольно. Одна радость – хорошо хоть, что я тогда все эти свои изощрения не сохранил, а то ведь сейчас у меня был бы такой видок... Только пойти и удавиться на ближайшем дереве, плюнув на все предупреждения.

Но вот что интересно: не ввали, похоже, умники. И бабахнуло где-то там, на Земле, и я вот сюда попал. Мама-то была права. Господи, прости меня за такие слова, но хорошо, что она до всего этого не дожила. Но как же плохо, что я не могу ей сказать сейчас: «Мама, ты меня спасла».

Ладно, это уже лирика. Есть что есть, чего уж теперь. И есть, между прочим, не в полном комплекте.

Тот же самый очкарик, когда проводил вводную лекцию,

обещал, что на старте я буду снабжен всем необходимым, так сказать, базовым набором. По моему глубокому убеждению, в него входили как минимум какая-то, пусть даже самая немудрящая, одежда, посох и сумка. Если здесь игра, давайте придерживаться канонов. И где все это? Кроме волосяного покрова и мурашек у меня сейчас нет ничего. Наврали, сволочи. Одна радость – я так думаю, что наврали всем, кто здесь оказался, по этой причине сейчас по огромным территориям Мэджик Дрима (да и остальных миров) наверняка снуют толпы голых людей. Э-ге-гей, парад нудистов!

По поводу «на равных» – одна из немногих вещей, которая мне тоже очень понравилась, тут все натурально стартуют нос к носу. Ни у кого нет никакого преимущества. Одна стартовая черта на всех, и только от тебя зависит, как далеко и ловко ты убежишь. Нет ни премиум-магазинов, ни лавок игрока, и реальные деньги тебе здесь не помогут. Крутись сам и рассчитывай только на себя.

Создатели Ковчега, по сути, сделали полноценный мир. Мы здесь должны именно жить – спать, есть, пить, чистить зубы. Все по-настоящему.

Но почему они не дали одежду – это непонятно. Может, мы еще должны и эволюционировать?

Я инстинктивно почесал под мышкой. Вообще, если долго бегать нагишом, я скорее одичаю, чем перейду на новую ступень. Непривычно это и дискомфортно. Очень уязвимым себя чувствуешь.

Помню, в юности читал книгу о пытках инквизиции. Отцы-эзекуторы первым делом жертв заголяли, поскольку так проще было сломать их психику. В обществе одетых людей обнаженный человек становится более податливым, теряет часть уверенности в себе. Кучи мне подобных я тут не видел, но в принципе я сейчас бедолаг-еретиков хорошо понимал.

К тому же тут, наверное, змеи есть и комары. Тоже небольшая радость. Змеи еще и опасны – они же ядовитые. Жизни у меня – с гулькин нос, а в том большом сообщении четко говорили: «Не умирать». Даже три раза повторили это.

А вот интересно, почему? Если верить все тому же умнику, здесь я конечной гибели мог не бояться – я и так уже не совсем живой, а значит, моя смерть здесь и сейчас – это не более чем веселое и забавное приключение. Ну, может, не слишком веселое и совершенно не забавное, но и не повод для трагедии. С чего тогда системный администратор (или кто там еще пишет здесь тексты) буквально вопил: «Не умирай»? Непонятно.

Ладно, надо куда-нибудь идти, искать общество себе подобных. Может, среди растерянных, удивленных и голых людей будет кто-то, кто лучше меня знает, что происходит? Такие есть всегда, правда, не всегда они говорят то, что происходит на самом деле, и любят выдать свои мысли за единственно верную истину, но на безрыбье и рак рыба, я готов выслушать всех. Я позитивен, добр и коммуникабелен, у меня и в резюме так написано было.

Я попытался понять, куда же мне идти. Лес со всех сторон был совершенно одинаковым – деревья, трава, камушки. Ни тропинок, ни дорожек – ничего.

В голове вертелась какая-то ерунда, вроде: «Надо посмотреть, с какой стороны на стволах деревьев мох растет, – там север». Да какая разница, где север? Мне что север, что юг – все равно я не знаю, что тут где.

Плюнув, я пошел куда глаза глядят. Авось набреду на реку. А там вниз по течению пойду, человеки – они всегда у рек ошиваются, где есть вода для питья и рыба для еды.

Глава 2

Шагать было не трудно – лес не буреломный, травка-муравка мягкая. Здесь только девушку выгуливать на свидании. Одно плохо – кончатся зеленый массив и не думал, хотя глушил я по нему ноги уже битый час. Ни просвета, ни прогала.

В какой-то момент я даже подумал: «А не покричать ли мне?» «Ау» там или «Люди!». Даже было рот раскрыл, но после схлопнул челюсти обратно. А ну как на мой крик медведь придет или махайрод какой-нибудь, захотят поглядеть, кто в их лесу шумит, спать им не дает? Кто знает, какую живность сюда заселили для остроты ощущений? Да шут с ними, с медведями! А если дракон припрется? Мир-то фэнтезийный.

Эта идея меня так впечатлила, что я стал посматривать по сторонам с опаской. И еще мне стало очень скверно от того, что опасность может меня застать совсем безоружным. Не уверен, что даже если у меня в руках окажется какой-нибудь Меч тысячи истин, я смогу ловко им орудовать, но все-таки не хочется оказаться перед неизвестной вражиной совершенно без ничего.

И тут я в очередной раз убедился в правоте своего отца. Он мне с детства талдычил: «Стас, главное – верно поставить задачу. Если ты сделал это – считай, что уже начал ее

решать». Задача была – найти хоть какое-нибудь оружие. И я его нашел.

Я увидел отличную ветку на одном из деревьев. Длинная, на вид крепкая, и не слишком высоко. Если на ней повиснуть, то она наверняка сломается под моей тяжестью. То, что после этого я упаду вместе с веткой, мне как-то в голову не пришло. А зря.

Грнулся я о землю не то чтобы сильно, но ощутимо, причем этот гордый и короткий полет спровоцировал несколько событий.

Первое было приятное, мне сообщили:

«Ваше телосложение повисилось на единицу!»

Это, бесспорно, было прекрасно, но когда я открыл окно характеристик, то изрядно расстроился. Падение с небольшой, по сути, высоты порядком снизило показатель жизни.

«Характеристики.

Уровень: 0.

Ум: 1.

Сила: 1.

Ловкость: 1.

Телосложение: 2.

Свободные баллы: 0.

Текущий уровень жизни: 32/60.

Текущий уровень энергии: 25/25.

Текущий уровень бодрости: 81/100».

То есть мне не рекомендовано сильно падать, ударяться о разные твердые поверхности и уж точно не стоит лезть в драку. По крайней мере, пока не прокачаюсь до более-менее пристойного уровня.

И бодрость снизилась, но это, скорее всего, от того, что я шагаю и шагаю себе, а подпитки нет. Ученый хмырь тогда говорил, что тут надо своевременно принимать пищу, причем запивая ее жидкостью. А я всего этого не делаю, как это ни печально. Ну так и нечего кушать-то, вон, если только кору погрызть или шишек поискать с орешками. Но тут не сосны, а какие-то другие деревья, так что...

Показатель жизни мигнул и показал значение «Тридцать три». Ага. Восстанавливается жизнь, восстанавливается! Это хорошо, это успокаивает. Вот и посижу здесь, у дерева, пока обратно пятьдесят пять единиц не наберу, как раз палку-копалку рассмотрю.

Против моих ожиданий, перед моими глазами не появилось никакого сообщения вроде:

«Обычная палка. Урон – 2–4 единицы. Прочность – 12».

Это разрывало шаблон. Я держал в руках просто длинную и крепкую ветку, пахнущую свежим деревом на месте слома, с шершавой корой и даже с парой листочков. Мое первое оружие в этом мире было достаточно увесистым. А еще его, наверное, очень удобно крутить над головой – одна его часть была ощутимо тяжелее и толще другой. Это, пожалуй, даже и не палка, это дубинка какая-то. В любом случае, даже такое оружие лучше, чем ничего.

Покопавшись в настройках, благо время было, я обнаружил две шкалы, отражавшие, если так можно выразиться, уровень сытости и... Не знаю, как это правильно звучит... Водоснабжение? Впрочем, их поименовали просто, без затей, голодом и жаждой. Обе шкалы были заполнены меньше чем на одну треть и светились приятным зеленоватым оттенком, как видно, с данными показателями у меня пока все было в порядке. Впрочем, это не повод для большой радости. Я иду, время идет, и показатели не станут стоять на месте. Так что расслаживаться нечего, здоровье поправилось – и в путь.

С палкой стало идти как-то повеселее, поскольку я то опирался на нее, как на трость, то крутил в руках, изображая из себя очень ловкого мастера боя на дубинах. Совершенно точно, что внутри каждого из нас сидит наш далекий предок-кроманьонец, хоть и очень глубоко. Люди открыли тайны мироздания, расщепили атом, стали носить одежду от итальянских кутюрье со звучными именами, создали ис-

кусственный мозг, а тот самый плосколобый человек из пещеры так никуда и не делся. И как только мы совсем немного, лишь чуть-чуть, отойдем в сторону от привычного, цивилизованного мира, как он тут же вернется из небытия, ударом ноги откроет дверь в наш разум и скажет: «Аур-р-р. Теперь снова я главный». Почему? Да посмотрите на меня. Еще несколько часов назад я находился в офисе (ну, до того, как пойти на встречу с ребятами), сидел в кресле и работал на компьютере последнего поколения, способном совершать немыслимое количество операций в минуту, а сейчас шагаю голый по лесу и абсолютно счастлив, осознавая тот факт, что у меня в руках дубинка.

И отдельно заметим – при случае я готов пустить ее в ход, раздробив череп тому, кто попыбует покуситься на мою жизнь. И хотя я не слишком уверен, что у меня это получится ловко и быстро, я буду стараться. Я не хочу умирать, даже здесь, в этом не слишком реальном мире, и, если кто-то задумает лишить меня драгоценной жизни, я приложу все силы, чтобы прикончить его. Ну и кто я после этого? Хомо сапиенс?

Прав был один писатель, сказавший когда-то: «Поскреби любого из нас – и ты увидишь рожу дикаря». Нам с детства вбивали в голову прописную истину о том, что человеческая жизнь – самая большая ценность из всех, которые есть у цивилизации, и большинство из нас искренне в это верило, включая и меня. Были, конечно, и маргиналы, но это

исключение скорее подтверждало правило, чем опровергало его. Но это было в другом мире: с полицией, судом, телефоном, горячей водой, фастфудом и одеждой. Там так легко и просто было рассуждать о ценности человеческой жизни и недопустимости насилия, особенно сидя в удобном кресле под защитой надежных стен.

А вот здесь, когда идешь нагишом и вокруг шумит лес, в котором пес знает кто водится, в непонятном месте, где даже не представляешь, куда тебя ноги заведут, все это видится по-другому. Нет, основная ценность не поменялась, это по-прежнему человеческая жизнь. Значение понятия сузилось – это моя жизнь. Моя, и больше ничья.

Ладно, что-то меня не туда занесло. Никто пока не стремится меня уничтожить и поработить, поскольку никого я так и не встретил. Да и вряд ли оцифрованные граждане, которые, подобно мне, сейчас бродят по лесам, полям и горам в нагом виде, первым делом захотят проявить агрессию. Скорее наоборот, при встрече мы друг другу на шею будем кидаться, потому как коллективом обживать новый мир веселее и проще. А вот потом, когда приоденемся и силенок наберем, непременно начнется дележка тех благ, которые нам предоставит этот новый мир. И вот там уже хлебалом щелкать будет нельзя, поскольку таких непременно будут жрать-с, без соли и луку.

И, учитывая это, было бы здорово встретить Жеку и Марику, только это невозможно. Они, в отличие от меня, отпра-

вились в Нормалити, я об этом узнал постфактум, когда выбор мною был уже сделан. Мне бы позвонить кому-то из них перед походом в офис Ковчега, спросить, но не догадался. Обратного же хода у выбора не было, чип программировали таким образом, что поменять мир было невозможно, если уж захотел бегать за драконами – бегай.

Почему Марика решила оцифроваться, я не знал. Ее папаша без особого труда мог купить ей билет первого класса, да и купил наверняка, но она, как всегда, приняла нестандартное решение и жутко расстроилась, узнав, что я отправлюсь в Мэджик Дрим. Помню, губы надула и еще месяца два на звонки не отвечала, ни на мои, ни на Женькины. Он-то хотел ее порадовать, сказать, что она там будет не одна, с ним, но все без толку. А через два месяца с нее все как рукой сняло – она собрала нас в баре, и мы устроили отличную пьянку. Марика такая – ее не поймешь.

Так что сидят они сейчас у бассейна, дуют «дайкири» и креветок едят. Везуха им. Может, и меня вспоминают незлобивым добрым словом, почему нет. Собственно, только это нам и осталось друг от друга – воспоминания, потому как увидеться нам больше в этой жизни не судьба.

А в той мы, наверное, стали одним целым. Уж не знаю, как там история Земли закончилась, но мне почему-то думается, что большой и яркой вспышкой, поскольку очень все внезапно случилось. Что-то бамкнуло, полыхнуло – и мир стал огромным огненным шаром, а поскольку сидели мы ря-

дом, то и пепел наш наверняка смешался в одну общую кучку. Так что дружили мы большую часть жизни и после смерти вместе остались. Судьба.

И еще забавно, что уцелели мы, люди второго сорта. А пассажирам первого класса та же самая судьба приличных размеров кукиш показала! Насколько я знаю, Ковчег этот не достроен еще был, точнее, там чего-то монтировали, до ума доводили, так что пассажиров на нем не было, это точно. И не будет уже, поскольку они гикнулись вместе с планетой, это не вызывало у меня никаких сомнений. Вывод – деньги не гарантируют того, что ты проживешь жизнь так, как планировал.

Хм, а Марика-то, по сути, права оказалась. Будь она с теми, кто собирался остаться жить в физическом теле, – и все. Нет, ей определенно судьба ворожит. Ну и дай бог им там, в Нормалити, счастья и покоя.

Вот с такими благостными мыслями я и шагал себе, шагал, пока не почувствовал, что в окружающем меня пейзаже что-то изменилось. Что-то совсем неуловимое.

Остановившись, я начал очень внимательно глазеть по сторонам. Если взгляд за что-то зацепился, значит, что-то да не так. И точно.

Я давно заметил, что тут все деревья хоть и отличаются друг от друга какими-то мелкими деталями, но схожи размером. Ну или высотой, уж не знаю, как правильно. Если и есть перепады, то мизерные. Так вот, ландшафт, что расстилался

прямо передо мной, справа был тем же самым, что я последние несколько часов созерцал. А вот слева – нет. Там деревья растут поуже да пониже. С чего бы это?

Ноги сами собой начали забираться левее. А что, все правильно. Любое отклонение от нормы говорит о том, что в необычном месте может что-то быть. Или даже кто-то. Ну не существует виртуальных миров, сплошь покрытых лишь лесами. Да, территории огромны, об этом мне тот умник говорил, но не настолько же! Значит, в той стороне могут находиться, например, вырубки, а за ними и деревня с местным населением. Крестьяне какие-нибудь там живут, зерно сеют, хлеб убирают и страдают от злобного великана.

Великана я убивать не собираюсь, но какую-нибудь тряпку прикрыть чресла у них, надеюсь, выпрошу (или украду). Купить не выйдет – денег нет.

Я вошел в редколесье и понял: не вырубки это. Такое ощущение, что верхушки деревьев срезали чем-то очень массивным, причем давно. Деревья раны залечили, но все же заметны отличия от тех, что остались за спиной. Это чем же их так?

Ответ на свой вопрос я получил буквально минут через пять, но сколько новых вопросов возникло в моей голове после того, как я увидел, что именно деревья покурочило, боже ты мой.

На небольшой прогалине, зарывшись носом в землю, стоял огромный армейский грузовик. Почему армейский?

Ну, камуфляжную окраску, пусть даже и с ржавыми пятнами тут и там, от всех остальных я отличу с легкостью. И видеть такие доводилось, еще в академии.

Да фиг с ним, какой именно это грузовик. Вопрос в другом – какого дьявола он здесь делает? В принципе?

Я обошел приличных размеров машину вокруг. Ну да, штатовский Buffalo, тот, который для обнаружения мин приспособлен, их ни с чем не спутаешь, модель только незнакомая. Но это и неудивительно, я за новинками военной техники не слежу, мне это без надобности. Да и любят они свою технику модернизировать, это и тогда была крепость на колесах, а уж сейчас...

Я прислонился плечом к ближайшей березке и вздохнул. Если честно, этот мир меня за последние часа три удивил больше, чем мой прежний за десять лет. Здесь все работает на то, чтобы человек с каждой минутой все больше и больше убеждался, что сходит с ума. Ну а как еще расценивать вот это чудо технической мысли, которое я созерцаю?

Во-первых, что в принципе может делать грузовик в фэнтезийном мире? Кабы здесь был скелет дракона или пряничный домик со злой ведьмой внутри, а еще лучше – заброшенный дворец с затянутым паутиной хрустальным гробиком, – это было бы понятно. Каноны жанра, все как положено. Но тут-то стоит вполне современный монстр на колесах. И хоть ты меня убей, я не поверю, что его собрали гномы в своих пещерах.

На секунду перед моими глазами появилась просто-таки абсурдная картина: по горной дороге мчится Buffalo, в кузове буйствует ватага гномов, высунувшись в боковые окна, горланит песни, стучит по корпусу машины боевыми топорами и время от времени постреливает из ручных пулеметов. За рулем тоже сидит гном, здоровенный, мордатый, с заплетенной бородой, весь в татуировках, одной рукой он вертит руль, в другой у него кружка пива. Холостые ребята из хирда «Топоры» едут в соседний клан на дискотеку. И все это сопровождается песнями древней группы «Раммштайн». Апокалипсис сегодня!

Во-вторых, как он сюда вообще попал? Кругом лес! Дорог не видать. Хотя погоди-ка...

Я внимательней присмотрелся к поврежденным деревьям. Ну да, похоже, их днищем этого тяжеловеса и стесало. Только это – еще больший бред. По воде он ездит, поскольку вроде как плавающий, но чтобы грузовик летал? Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Летающий грузовик называется «вертолет».

Ох, не нравится мне это. Любая вывернутость логики – это всегда не есть хорошо.

Но один позитивный момент все же имеется. Я, похоже, обзаведусь одеждой, причем не какими-то тряпочками, а вполне нормальными штанами и курткой. Прочь брезгливость, все, что не нужно мертвым, нужно живым.

За мутными стеклами кабины я видел две фигуры – надо

полагать, водитель и его напарник. Или охранник, какая разница. Надеюсь, их одежда не истлела окончательно и из их двух комплектов формы мне удастся собрать один для себя.

Но у них ведь может быть не только одежда. Это солдаты, а значит, у них должно быть оружие. Видно, давно здесь стоит это чудо техники, но двери кабины-то закрыты. И она более чем герметична, поэтому там запросто может быть работоспособный ствол.

Я подошел к кабине, вскарабкался на приступку со стороны водителя, потер ладонью стекло. Вон, сидит, красавец, носом в руль уткнулся. Давно он тут обосновался, судя по всему, волосики реденькие, черепушка сквозь них просвечивает. Бе-э-э, гадость какая.

Я уцепился за ручку дверцы, дернул ее на себя. Ничего. Дернул сильнее. Опять ничего. Посопев, я уцепился за нее и двумя руками потянул дверь на себя.

Раздался жуткий скрежет, машина дернулась, как от удара током, и я покатился на землю.

На моих глазах грузовик начал распадаться на мелкую ржавую металлическую пыль. Облаком оранжевого цвета взлетела вверх клешня, та, что предназначена для захвата предметов. Грянулись о землю шесть не поддерживаемых более ничем колес, причем после этого они немедленно превратились в черные кучки неприятного вида.

Через минуту вместо мощнейшей машины на прогалине появился участок земли оранжевого цвета. Грузовик превра-

тился в ничто, со всеми моими планами. И главное – что это было вообще? Никаких объяснений я не находил.

Да шут с ними, с объяснениями, в конце концов. Нет у меня теперь порток! И ствола нет!

Проорав что-то матерное, я подхватил дубину, положенную было на травку, и со всей дури саданул ею по соседнему дереву.

Дерево качнулось, сверху на меня спланировало несколько листочков, а перед глазами появилось сообщение:

«Ваш ум повысился на единицу!»

Ум? Почему ум? Это что, такое тонкое глумление над человеком? Какой изувер писал эту программу? За то, что я шарахнул разок по березе дубиной, мне повышают ум, а за то, что я как бульдозер три часа пер по лесу, не дают ничего. Я вне себя...

Подул ветерок, остатки Buffalo закружились вихорьками, ржавую пыль понесло между деревьев. Ветер перемен, понимаешь.

Плюхнувшись на землю, я с печалью и тоской смотрел на круговорот моих несбывшихся надежд и не сразу заметил, что среди равномерного ржавого месива появилось темное пятнышко. Встав, я подошел к нему, причем мои ступни погружались в ржавую пыль значительно выше щиколоток.

Это оказался кусок металла, порядком деформирован-

ный. То ли часть оси, то ли еще что – не поймешь. Бугристый, тяжелый – и бесполезный.

Отбросив его в сторону, я рассудил так: если эта железяка не распалась на атомы, то, может, еще что уцелело, более полезное?

Сделав несколько шагов, я брякнулся пальцем ноги о что-то твердое и выругался – это было больно. Разгреб ржавчину. Пень, чтоб ему пусто было. Края острые, хорошо еще не наступил, а то и здоровье бы сняли. А вдруг здесь еще и заражение крови возможно, я уже ничему не удивлюсь. Сдох бы – и все, и никто не узнает, где могилка моя.

Вернувшись к деревьям, я прихватил свою универсальную палку и теперь двигался по поляне с останками Buffalo подобно слепому, тщательно водя дубинкой перед собой. Задно и пыль разгребалась.

Спустя минут двадцать я весь перемазался ржавчиной и выглядел, наверное, весьма забавно. Но при этом я стал владельцем еще нескольких бесформенных железок, трех зеркал, рукояти армейского ножа (это был суровый облом, сначала я увидел собственно ее, рукоять, а потом уже то, что продолжения у нее нет), нескольких пружин, видимо, из сидений, горстки каких-то никелированных деталей и единственной полезной штуки из всей этой грудыхлама. Я нашел узкий и длинный, в полруки, стальной штырь. От чего конкретно он был – не знаю. Может, на него чего крепилось, может, он был частью механизма – не в курсе.

Но вещь это была нужная, без дураков. Еще бы веревочку какую, чтобы его к моей чудо-палке привязать, – и совсем хорошо было бы.

Но веревочки не было. Вообще не было никакой материи, видно, она тоже превратилась в пыль. Зато в тот момент, когда я собрался уже вылезать из противно пахнувшей кучи ржавой пыли, палка наткнулась еще на что-то.

Я нагнулся и через секунду держал в руках небольшой, но увесистый сверток, затянутый в полиэтилен или плотный пластик. Что было внутри – непонятно, сверток был весь в ржавчине.

Отойдя к деревьям, я присел на травку и повозил по ней же этим пакетом. Ржа стерлась, и меня пробило на икоту. Внутри свертка явно был белый порошок.

– Да ладно, – пробормотал я. В то, что это наркотики, мне как-то совсем уже не верилось. Это игра, откуда здесь героин или кокс? Ну а тогда что это? Сахарная пудра?

На пакете я заметил какой-то синеватый расплывчатый знак, нечто вроде штампа. Я повертел пакет так и сяк, максимально напрягая зрение. Нет, толком не различишь. Вроде как овал, а внутри него три каких-то силуэта. То ли олени, то ли... Косули? Три косули? Ну, меня можно поздравить. Я стал обладателем приличного тючка с очень качественным афганским героином.

Я видел учебный фильм, там достаточно подробно рассказывали о том, что крупнейшие наркокланы еще с конца

двадцатого века метят свой товар, чтобы потребитель знал, с кем именно он имеет дело. Кто-то меткой с изображением скорпиона, кто-то – с изображением льва. Ну и с тремя ко-сулями тоже, так что прочь сомнения.

Нет, конечно, для пущей уверенности можно было поступить как в кино – колупнуть пакет, зацепить горстку порошка и втереть его в десну, но что мне это даст?

Если честно, я не знаю вкуса наркотиков, все мои познания в этой сфере почерпнуты из лекций, книг и сериалов. Сам я такое не употреблял, друзья – тоже, в моем кругу это считалось очень нездоровой привычкой. Да и потом, а если это не героин, а, например, таллий? Или еще какая ерунда неудобоваримая? Так вот по собственной дури ноги и протянешь. Ну и, самое главное, мне мама с детства запрещала всякую бяку в рот тащить, а я мальчик послушный.

Подкинув пакет на руке, я покачал головой. Ну да, вот теперь это точно Мэджик Дрим. С таким количеством наркоты можно увидеть абсолютно любые «дрим» – хоть эльфиек, танцующих стриптиз, хоть фей, запускающих фейерверки. Свободно.

«Это что ж за игра мне досталась такая?» – уже в бог весть который раз подумал я. И именно сейчас мне в голову пришла немного крамольная и здорово пугающая идея: а может, у этих яйцеголовых что-то пошло не так? Ну не успели они до взрыва все отладить. Или вообще загнали нас в тестовую версию. Как тогда написали, ну, в самом начале? «Перенос

совершенно условно успешно». Условно! И потом еще вот эта фигня: «Мир: Слияние 0.6.6.6». Слияние чего с чем?

Ох, есть у меня подозрение, что и грузовик этот, и наркотики занесло сюда неспроста. Не перемешались ли у этих ребят миры, как колода карт? И теперь в радиоактивной пустыне мутантов гоняют рыцари на конях, а в Нормалити гоблины за барными стойками стоят.

Ладно, надо пойти еще пошариться. Вряд ли в таком грузовике только один пакет наркотиков был, с чего бы? Такие вещи партиями возят, помногу.

Но больше наркотиков я не нашел, как ни искал. Зато нашел один патрон. Обычный патрон семь шестьдесят два, армейский, натовский, пуля со стальным сердечником. Классика.

Ну что, сдается мне, меня ждет веселая жизнь. Здесь есть огнестрельное оружие, героин и тяжелая техника, причем все – западного образца. Не исключено, что и Черный Властелин здесь тоже уже есть, причем он черный в прямом смысле слова. Может, он тут даже и не властелин, а, к примеру, президент. Сказал бы я, что это прикольно, но вот не хочется как-то. Но если я прав, мне не просто людей найти надо, мне своих найти требуется, соотечественников. Только вот все это хозяйство припрятать следует. Не железки, конечно, – наркотики.

С собой я их взять не могу – нести не в чем, но и так просто их здесь оставлять не стану. На глаз и на вес в этом сверт-

ке килограммов пять дури, что немало по любым меркам. Жизнь – она разная, и как дальше дела пойдут, я не знаю, а такая заначка... Она всегда пригодиться может, поскольку наркота, как и оружие, – это всегда ходовой товар. Пушерить я не собираюсь, боже сохрани, но ведь может выйти так, что за это дело я смогу, например, выкупить свою голову. Или купить что-то весьма полезное?

Тайник я сделал самый простой – по возможности аккуратно около одного из деревьев, самого толстого, руками землю подкопал, а после снял кусок дерна, прямо с травой, вырыл при помощи палки ямку, куда и убрал пакет с наркотиками. После, подумав, положил туда же патрон и зеркала, сверху же, сказав: «Крекс, пекс, фекс», – насыпал никелированную чепуху. Фиг его знает, а ну как и она пригодится? Закончив, накрыл ямку дерном, оставшуюся землю перекидал в ржавую пыль и, немного поразмыслив, раскидал около ближайших к тайнику деревьев черную субстанцию, оставшуюся от шин. Память может подвести, а такую дрянь даже дождь не смоет, она в землю намертво вьестся. Хороший ориентир будет.

Железки я оставил там, где они лежали. Чего мудрить? Если кто наткнется и они будут ему нужны, то ради бога, пусть берет. Мне они без надобности.

Ладно, все это здорово, но надо идти дальше. Я вызвал меня с показателями голода и жажды. Ну да, они уже превысили треть, так я и думал, цвет с зеленого начал менять-

ся на противно-желтый. Если в течение ближайших часов пятнадцати – двадцати я не отыщу еды или хотя бы воды, то все будет очень плохо. Начну страдать и, может, даже помру, что мне противопоказано. В свете последних событий просьба неведомого мне работника Ковчеха виделась теперь несколько иначе, не исключено, что здесь смерть будет конечна, ведь если у них что-то пошло не так, то мог накрыться механизм возрождения, а это меня крайне не устраивало.

Впрочем, я покинул поляну не сразу. Еще минут десять я пытался впихнуть штырь в палку, но совершенно безуспешно. Он в нее ни под каким видом ввинчиваться не хотел, а других способов, как его в ней закрепить, я не знал. В результате плюнул на это дело и двинулся в лес, неся в правой руке и дубину, и несложившийся апгрейд к ней. Может, потом что-то придумается. И надо, по возможности, фиксировать в памяти дорогу, карты-то нет, а полянку, может, еще искать придется.

Надо заметить, состав леса изменился, да и скорость передвижения по нему – тоже. То тут, то там я начал замечать поваленные деревья, трава стала чуть выше, дубов стало поменьше, все больше березняк. Хорошо это было или нет, я не знаю, просто вот так обстояли дела.

И еще – какая-либо лесная живность по дороге мне так ни разу и не встретилась. Удивительно это. Какой бы ни был лес, пусть даже сто раз городской, типа парк, там все равно кто-то должен водиться. Пусть не зайцы и лисы, но мелочь-то

всякая точно должна присутствовать. Ну не знаю... Мыши, ужи, хорьки какие-нибудь, птицы наконец. А здесь – никого! Даже комаров нет, хотя эта зараза водится вообще везде. Это ненормально. Впрочем, отсутствие комаров меня устраивало – в моем пляжно-нудистском виде я бы для них представлял просто пиршество. К тому же не факт, что вместе с укусами у меня не начала бы пропадать жизненная энергия, которой и так мало.

Вскоре лес совсем перестал меня радовать. То и дело приходилось перелезать через деревья, поскольку пути обхода были еще хуже. У меня даже появилась мысль: «А не вернуться ли обратно?», – но она была отмечена мною как бесперспективная. Тратить полтора часа на дорогу все в то же «никуда» не улыбалось. Иду уж и иду, какая разница?

Когда я слез с очередного вяза-исполина, привольно раскинувшегося в обе стороны на добрых метров двадцать, а то и больше, к тому же на редкость шершавого, то очутился перед пышным кустом, на котором росли огромные желтые ягоды. Налитые соком, с глянцевой кожей, они просто манили меня, предлагая набрать их в полные горсти и съесть.

Сглотнув, я остановил уже намечающееся хватательное движение. Фиг его знает, что это вообще такое. В живой природе я ягод почти не видел, только замороженными в упаковках или в десертах, но вот помню, что еще в средней школе нас как-то водили в ботанический сад, и там мордатая тетка в круглых очках показывала нам разные растения, в том чис-

ле и ягоды. И еще она говорила о том, что они разные бывают, какие-то – очень даже вкусные и полезные, а вот другими можно здорово отравиться, причем это еще хорошо, если просто желудочной слабостью отделаешься. От иных даже помереть можно.

Так то земные ягоды были, а эти... Кто знает, что напридумывали разработчики? Наверняка ребята были с фигой в кармане и понаставили кучу ловушек для особо неразборчивых игроков. Так что нет, не буду я без нужды рисковать. Когда полная уверенность в их безвредности будет, тогда и стану их есть, а до той поры воздержусь. Ну или подожду, когда совсем швах наступит, в смысле голодная смерть протянет к моему горлу свою костлявую руку. Там уже без разницы будет, все одно концы отдавать.

Вот какие все-таки паразиты эти создатели Ковчега, а! Ну не дали исподнего – ладно. Не дали хлебушка – тоже ладно. Но карту и сумку-то игроку как не дать? Изуверство какое-то, садизм в чистом виде. Во всех играх всегда эти два предмета входили в базовый набор. Всегда!

Уходя от куста, я еще раз внимательно его осмотрел, запоминая внешний вид ягод. Полезная информация, пригодится.

Лес кончился вдруг. Вот только что были деревья, уже надоевший пейзаж – и на тебе – передо мной открылось поле. Небольшое, с холмом неподалеку, закрывавшим горизонт и не дающим увидеть, что там дальше.

Практически одновременно с этим послышался вопль:

– Отстаньте от меня, ур-р-роды!

Повертев головой, я увидел невысокого мужика, бегущего в мою сторону.

Глава 3

Голый, как и я, невысокий и с приличным брюшком, он убегал от еще двух представителей рода человеческого. Те тоже не были одеты, и поэтому действо, разворачивающееся передо мной, носило достаточно двусмысленный характер. Было в этом что-то от времен развратных древних римлян, я про такое читал в книжках и даже в кино видел.

– Помогите мне! – заметил меня мужик, немного изменил траекторию бега и направился напрямиком в мою сторону. Не скажу, что меня это сильно обрадовало. Я не большой любитель помогать ближнему своему, по крайней мере тому, которого я даже не знаю. С другой стороны, я здесь вообще никого не знаю. Впрочем, какая теперь разница? Те двое молча и непреклонно продолжали преследовать свою жертву и теперь тоже приближались ко мне.

Что я там говорил? При встрече все будут рады друг другу? Это я погорячился, не все. Один мне рад, двое других – не похоже на то.

На мгновение я даже задумался: «А не нырнуть ли мне обратно в лес?» Пять минут бега – и меня там никто не найдет. Очень уж мне эти двое преследователей не нравились. Они были уже недалеко, и я видел их лица. Скажу прямо – это вообще ни разу были не лица. Это были перекошенные рожи диких зверей, с губ срывалась пена, преследователи

двигались как машины, неумолимо перебирая ногами, глаза их были нацелены на спину бегущего явно из последних сил бедолаги. При этом не скажу, что парочка преследователей выглядела уж очень грозно. Обычные мужики, за тридцать, не атлеты. С чего они так на этого толстячка обозлились?

Может, пока я по лесу бродил, народ уже оголодал до такой степени, что каннибализм стал нормой жизни? Ну, не для удовлетворения же основного инстинкта они его как оленя загоняют, явно другие планы у ребят. Ох, не нравится мне все это.

– Помогите, – пролепетал пузанок, подбегая ко мне и норовя спрятаться за мою спину. – Умоляю вас!

– Ты чего этим двоим сделал-то? – Я дернул шеей. Ох, неохота мне драться.

– Ничего. – Бедняга еле дышал. – Они из леса как выскочили, как выпрыгнули и сразу за мной погнались.

– Может, они тебя не убивать хотят, а к груди прижать. – Парочка была совсем рядом с нами. – Не думал об этом?

– Этого мне тоже не надо, – пискнул пузан. – Но только они меня убить хотят, я вам точно говорю.

Его преследователи без разговоров, перейдя с бега на шаг, кинулись на нас. Они не стали останавливаться, вступать в переговоры, злобно буравить нас глазами. Один попытался вцепиться в шею мне, второй кинулся на толстяка.

– Черт! – Я увернулся от захвата и со всей дури лягнул противника ногой в бедро. – Может, сначала поговорим?

– Ахр-р-р, – ответил мне он и снова полез в ближний бой. Он, по-моему, даже не заметил, что я его ударил.

Вот тебе и дубинка, никакой от нее пользы в ближнем бою, только мешается. Ею или бей сразу, или отбрасывай в сторону.

А этого надо валить, без вариантов. Я на мгновение увидел его глаза – это, похоже, уже не человек. Не знаю, что с ним случилось, но ничего людского и разумного в его взгляде не было. Впервые в жизни я понял, что такое «звериный взгляд», про который часто писали в романах. Вот это он и есть – жесткий, беспощадный и бессмысленный. Если я этого мужика не прикончу, он меня точно прибьет.

Дубинку я отбросил в сторону, штырь сжал в кулаке, ускользнул от захвата, который этот безумец попытался снова так же очевидно провести, и сделал несколько шагов назад, показывая, что собираюсь убегать в кусты, которые были у меня за спиной.

Противник купился на мою ловушку, рванул вперед и рухнул на землю. Я перехватил его в движении, своевременно подставил ногу и с силой толкнул в спину.

Он зарычал, собираясь вскочить, но сделать этого не успел – штырь неожиданно легко пробил его шею и пригвоздил к земле. Надо же, я думал, это сложнее. Шея вроде, там кости, мышцы, все такое... А проколол я ее легко, как шарик воздушный лопнул.

Не было ни крови, ни воплей. Тело первого убитого мной

в этом мире врага немного подергалось и просто растаяло в воздухе, не оставив следа. Словно и не существовал он вообще.

– Кх-х-х.

Дела у моего нового знакомого были не ахти. Он лежал на земле, на нем сидел второй безумец и всю его душил. По-настоящему душил, не притворно. Причем глаза вылезали из орбит у обоих – и у того и у другого, как видно, от напряжения.

Я подхватил дубину с земли, благо отбросил ее недалеко, и со всего маху жахнул неприятеля по голове, метя в висок. Раздался глухой звук, душитель оторвал руки от шеи жертвы, начал было поворачиваться ко мне, но я без каких-либо сантиментов еще раз махнул дубиной. Два-ноль в нашу пользу, однако.

«Ваше телосложение повисилось на единицу!»

Почему телосложение-то? Почему не сила? Не понять мне этого. И потом, вроде бы двоих супостатов уложил, а никаких сообщений об этом не появилось. Ну, типа: «Вы убили игрока», – или: «Открыто достижение «Душегуб». Никакой логики.

– Почти задушил, – прохрипел с земли толстун. – Еще бы чуть-чуть – и все. Жизни почти не осталось.

– Чего не сопротивлялся-то? – полюбопытствовал я, обозревая окрестности. Мало ли, может, у этих психов друзья были, такие же мутноглазые. Не дай бог, набегут сюда толпой, я один от них не отмахнусь дубинкой, а на этого крававца, похоже, надежды нет.

– Так выносливость на нуле. – С видимым трудом мужик из положения лежа перешел в сидя. – Я пробежал сколько.

– Эти не меньше, – пожал плечами я. – Однако вон, махали руками как оглашенные.

– Не знаю почему, – потер горло спасенный. – Насколько я помню, у всех на старте показатели одинаковые. Единственное объяснение: может, они пару уровней набрать умудрились? Здесь вроде их должны давать.

– Ну, теперь мы этого уже не узнаем. – Я провел пальцем по штырю. Крови на нем не было. Либо гуманизм в отношении игроков, выраженный в нежелании травмировать их психику натуралистическими сценами, либо недоработка. – Тебя как зовут-то, бегущий человек?

– Трифон, – с готовностью ответил толстяк.

– Это здесь или там? – Вопрос был задан коряво, но Трифон меня понял.

– Здесь. Да и там в каком-то смысле – тоже. Фамилия у меня – Трифонов.

– Сват, – протянул я руку новому знакомцу. – Просто Сват.

– Очень приятно, – тот ухватился за мою конечность и во-

одушевленно потряс ее. – Я пока вставать не буду, так жизнь быстрее восстанавливается.

– Да бога ради, – разрешил я и сам присел рядом с ним. – А что, друг Трифон, не в курсе ли ты, что за ерунда здесь творится?

– А что ты подразумеваешь под словом «ерунда»? – Толстяк поднес руку к лицу – видимо, инстинктивно хотел поправить очки, которых у него, разумеется, не было. – Я пока увидел только несколько странных моментов, но они вполне укладываются в общую картину. Хотя вот эти люди... Это да. Но в целом все пока идет согласно договору.

– Поясни.

– Ну, перенос осуществлен внезапно, но это понятно – видимо, на Земле что-то произошло, что-то нехорошее. Я так думаю, нет ее больше.

– Совпадают мнения, – вздохнул я.

– Еще мы не получили базового набора, – продолжил Трифон. – В соответствии с пунктом восемь ноль два четырнадцать договора нам были обязаны предоставить одежду, начальное оружие в соответствии с выбранным миром, запас провизии на три дня, некоторую сумму денег и карту с обозначенной на ней стартовой локацией. Этого ничего не дали. Но тут дело, как я полагаю, в аварийном запуске, так что все это мы получим позже, не исключено, что с компенсацией.

– Ты кем был в том мире? – уточнил я у него.

– Юристом, – заулыбался Трифон. – На жилищных про-

блемах специализировался.

– Оно и видно. – Я не был удивлен – только эта братия способна запомнить пункты договора. Нет, и я его, конечно, читал, но чтобы после перечитывать и заучивать наизусть...

– Еще меня здорово смутило место прибытия, – вздохнул Трифон. – Я рассчитывал сразу попасть в город, а меня выбросило вот сюда. Это, конечно, момент отрицательный, и, разумеется, я буду по этому поводу связываться с администрацией игры, тут тоже можно говорить об определенной компенсации. Да, собственно, я и хотел с ними пообщаться, но все заблокировано, и в сообщении было написано, что система перегружена. Мне присвоили номер в очереди, так что как только они выйдут на связь, я потребую, чтобы меня немедленно переправили в Лас-Лобос.

– Куда? – кашлянул я.

– Лас-Лобос. – На лице Трифона заиграл румянец, видно, жизнь уже восстановилась в достаточной мере. – Одна из столиц Нормалити. Там их несколько – деловая, развлекательная, игровая. Лас-Лобос – деловой центр. Ты вообще читал проспекты, договор?

– Нормалити, стало быть. Скажи мне, дружище Трифон. – Я обвел руками пейзаж. – По-твоему, мы в Нормалити?

– А то где же? – удивился пузан.

– По моему мнению, это Мэджик Дрим, – медленно проговорил я. – По крайней мере, я именно туда должен был попасть.

– Мэджик Дрим? – ошарашенно повторил Трифон. – Господи Иисусе! Этого быть не может.

– Две вещи, в которых я уже практически уверен, – толкнул я закрывшего лицо руками юриста кулаком в плечо. – Первая – похоже, здесь может быть все, что угодно. И вторая – полагаю, он тебя не слышит.

– Кто? – глухо спросил Трифон.

– Иисус.

Юрист снова лег на траву и уставился в небо. Кажется, он был из тех людей, которых выбивают из седла резкие повороты на дороге бытия. Полагаю, он уже догадывался о том, что это не Нормалити, но не хотел себе в этом признаваться, чтобы не рушить внутреннюю гармонию существования.

Я же вставил еще один фрагмент в мозаику местного универсума. Думаю, моя недавняя догадка все же верна и в самом деле что-то пошло не так, в результате чего миры слились воедино. Или же, как вариант, создалось несколько миров, каждый из которых собрал в себе те или иные признаки друг друга, а игроки были раскиданы по ним в хаотичном порядке.

Кстати, если я прав, то мои шансы на встречу с Марикой и Жекой увеличиваются. Это хорошо. Если честно, появившись здесь сейчас Жека, мне стало бы намного спокойнее.

– А как же Галя? – проговорил юрист. – Где она теперь?

– Галя – это кто? – повернул я голову к нему.

– Моя жена, – вздохнул Трифон. – Мы должны были

встретиться на главной площади Лас-Лобоса сразу после переноса. Я не беспокоился, думал, что, может, ей все-таки повезло и она в безопасности, а теперь выходит, что она вообще невесть где?

– Выходит, что так, – подтвердил я. – Увы.

– Бедная моя Галя! – Юрист снова сел и, прислонив руки к щекам, начал качать головой. – Голая, одна, черт знает где...

– Ну, ты переживай, а мне пора, – встал я на ноги. – Хотя вот еще что. Слушай, Трифон, ты за холмом был? Не знаешь, что там?

– Я с тобой, – вскочил на ноги юрист. – Ты не смотри, что я сейчас такой, скоро я о-го-го буду.

– В смысле – «о-го-го»? – уточнил у него я. – С какой радости?

– А ты что, редактором не пользовался? – удивился Трифон. – Я себе там такую фигуру создал – закачаешься! Атлетом стану, всю жизнь об этом мечтал!

– Это похвально, – одобрил я. – Но, во-первых, ты еще не такой, во-вторых, тебе эта фигура силы или жизни не добавит. Ты же так человеческую расу и оставил, поди?

– Ну да, – снова погрузнел юрист.

Помнил я этот момент. Бонусы к характеристикам получить было можно, но они давались к той или иной расе, при этом за счет каких-либо других умений и характеристик. Силы больше – ума меньше и так далее. Баланс, однако.

– Ну и наконец, – решил я не жалеть толстяка, – когда это еще будет?

– Скоро, – неожиданно бодро ответил он и согнул руку, на ней отчетливо проступили мускулы. – Видишь? У меня там что-то появилось, впервые в жизни.

– Трансформируешься, стало быть, – потер подбородок я. – Забавно.

Ну а почему бы и не взять его с собой? Вдвоем веселее, да и потом – это пара рук, они могут что-то нести.

– На, – сунул я ему дубинку. – Отвечаешь за нее головой.

– Ага, – понятливо кивнул Трифон и закинул ее на плечо. – Куда идем?

– Повторю вопрос, – сурово ответил ему я. – Ты там был?

Я ткнул пальцем во все тот же холм, находящийся слева.

– Был. – Трифон кивнул. – За ним ничего нет. Справа лес, а дальше, сколько глаза хватает, – равнина. Пустая, как стол, – ни домов, ни людей.

– Паршиво, – подытожил я. – Равнина – это не вариант, там нет ни еды, ни воды.

– Вода есть, – оживился Трифон. – Вон там, у подножия холма, с той стороны, бьет ключ. Вода холодная, вкусная.

– Чего же ты молчишь тогда? – возмутился я. – Пошли, покажешь!

– Да я у этого ручья почти и появился, – трещал по дороге к воде юрист. – Посидел около него, попил и пошел по равнине, а там пусто. Даже сусликов нет, хотя, по всему, должны

быть. Ну я и вернулся обратно, холм обогнул, а там – они!

– Интересно, с чего они так одичали? – Эта мысль не давала мне покоя. – Ну не просто же так это произошло? Да и на кой им тебя убивать? У тебя же ничего нет – ни одежды, ни оружия, особо не поживишься. А оголодать до такой степени они не успели бы.

– Может, классовые мутации? – предположил Трифон. – Тело перестраивается, мозги, возможно, тоже? Хотя эта теория сильно за уши притянута, такие вещи создатели не могли не учесть.

– Не знаю, – пожал плечами я. – Одно точно – не просто так это произошло, причина есть всегда.

– Это я и сам понимаю, – фыркнул Трифон. – Нашел кому это объяснять.

Мы обогнули холм, и я понял, о чем он мне говорил. Равнина казалась безграничной, она уходила прямо в горизонт. Пустота, ветер, колышущий траву, кромка леса и тишина. Красиво, но бесперспективно. Для нас эта красота равна голодной смерти. Впрочем, лес в этом плане не лучше, там тоже жрать нечего. Но здесь хотя бы есть вода.

– Ключ вон там, – показал рукой на небольшой овражек, скрытый несколькими деревьями, Трифон.

Все верно, там был ключ. И не только. Около него мы обнаружили совсем еще молодого человека, который, хлопая голубыми глазами, смотрел на нас. Надо же, как его-то сюда занесло? Мальчишка ведь совсем.

– Ты кто? – дружелюбно спросил я у него, перехватив штырь. Трифон снял с плеча дубину.

– Павлик, – опасливо ответил юноша, явно прикидывая, в какую сторону бежать, если что.

– А ты миролюбивый, Павлик, или злобный? – уточнил у него я.

– Занимайтесь любовью, а не войной, – немедленно отозвался он.

– Ну, в нашем случае это звучит не очень верно, – хмыкнул я, похлопав по голому животу. – Если, конечно, ты не сторонник...

– Не сторонник! – замахал руками Павлик. – Вы чего!

– Ну, тогда будем знакомы. – Я подошел к нему и протянул руку. – Я Сват, это Трифон.

– Привет. – Рука у Павлика была мокрая, видать, он только что воду черпал. – Я так рад, что вас встретил, вот правда. А то иду, иду – и никого. Так это неприятно, когда людей нет, никогда бы не подумал.

– Скажите, юноша, а вы в какой мир должны были попасть? – Трифон тоже подобрался поближе к нам. – Изначально?

– В Нормалити, – с готовностью сказал ему Павлик. – Я бы предпочел Фьючер, но меня на Ковчег родители записали еще семилетним и особо не спрашивали, чего я хочу. Да и чего я тогда хотеть мог, в семь лет?

– Нормалити! – радостно поднял палец вверх Трифон. –

Слышал, Сват? Нормалити. Может, ты не прав и все в порядке?

– Может, – не стал спорить с ним я. – И если это так, то я только рад. Но тогда неясно, что здесь делаю я?

– Системная ошибка, – немедленно ответил юрист. – Сбой. Да что угодно.

Я не стал с ним спорить, не видел в этом смысла. Если человек хочет заниматься самообманом, это его дело.

– Скажи мне, Павлик, – я присел у воды, – ты откуда пришел?

– Из Волгограда. – Юноша заулыбался. – Сижу я за компом, а тут...

– Это понятно, – вздохнул я. – Прекрасный город. Не о том речь, где ты жил тогда. Откуда ты пришел сюда сейчас?

– А-а-а. – Павлик хлопнул себя ладонью по лбу. – Ясно. Так из леса.

Он шустро вскарабкался на склон овражка.

– Вон оттуда. Я по нему часа четыре брел, пока сюда не вышел.

История та же. Ничего нового.

– Никого не видел, пока шел? – Я поболтал рукой в воде. Холодненькая. Приятно.

– Вы первые. – Павлик подошел к нам. – Никого, я же говорю. А где все?

Отвечать я ему не стал, опустив лицо в воду. Не слыш-

ком предусмотрительно, учитывая, что за спиной у меня был Трифон с дубиной в руках, но очень хотелось пить. И потом, нет у него смысла мне голову сейчас проламывать, я ему нужнее, чем он мне. Но в целом надо начинать менять привычки, что-то мне подсказывает, что времена всеобщего доверия уходят в прошлое.

Вода сделала свое дело. Вызвав показатели «голод» и «жажда», я убедился в том, что они снова равны чуть ли не первоначальным значениям. Правда, с голодом дела обстояли похуже, чем с жаждой, так оно и понятно: «Ешь вода, пей вода»... Но в любом случае некоторый запас времени у меня снова был.

– Вот и ладушки, – вытер я лицо. – Жить стало лучше, жить стало веселее. Ну что, Трифон, давай пей – да пошли. Время терять не стоит, не так его и много у нас. Надо искать людей и большую воду. Причем найдем одно – найдем и другое.

– А я? – с обидой спросил Павлик, переводя взгляд с меня на Трифона. – Меня вы с собой не берете?

Юрист показал на меня пальцем: мол, его спрашивай, он тут главный, и опустил лицо в воду.

Павлик заморгал большими голубыми глазами и жалостливо сморщил лицо.

– Эй-эй, – остановил его я. – Меня такими штуками не проймешь, так что даже не начинай. И потом, парень, мы и сами не знаем, куда идем.

– Так тут, похоже, никто этого не знает. – Павлик пожал плечами. – Я вообще думал, что в лесу помру, возродюсь и снова помру. Слушайте, возьмите меня с собой. Мне одному... это... Страшно мне!

Ну да, в его возрасте признаться двум незнакомым дядькам, что тебе страшно, непросто. Самолюбие, максимализм... Это надо нутро пересиливать, я себя в его возрасте еще помню.

Ладно, вот и случай расставить точки над «i» и закрепить свое лидерство. В конце концов, все равно это надо делать, и лучше прямо сейчас, пока нас еще трое. А если будет пятеро? А если семеро?

Но тут еще стоит подумать, нужно ли мне это? Одному выживать куда как проще. Точнее, выживать проще в коллективе, но отвечая только за себя самого. Лидерство же – штука такая, непростая, чреватая неприятностями и большой ответственностью. Хотя в данной ситуации деваться мне все равно особо некуда – этих двоих уже как-то и не бросишь, все-таки живые души, а на лидеров они не тянут никак. А если я сейчас возьмусь за этот гуж, то придется его и дальше тянуть, причем если к нам еще народ прибьется, то для них я буду главным априори.

А что я буду делать с теми, кто не захочет признать меня лидером? Ну вот возьмет кто-нибудь и скажет: «Да ну его на фиг. Я сам главным хочу быть». Тема для размышления, однако. Я догадываюсь, какой ответ правильный, но до-

водить до этого не хотелось бы. Впрочем, если это будет нормальный человек, например, из военных или серьезных хозяйственников, так почему бы и нет? Мне это лидерство и даром не нужно.

– Беспрекословное подчинение, – загнул я один палец и тут же загнул второй. – Никакой самостоятельности. И всегда помнить о том, что последнее слово – мое.

– Не вопрос, – повеселел Павлик. – Так даже проще.

– А я? – Юрист отдувался – видно, много воды в себя влил.

– А ты – мой зам по общим вопросам, – вроде бы и в шутку, но жестко объяснил ему я. – Или ты против?

– За, – махнул рукой Трифон. – Всю жизнь в замах хожу.

– Но за каждым оставляю право голоса, – демократично отметил я. – Одна голова – хорошо, а три... Слушай, Павлик, а чего у тебя голова такая ушастая?

И впрямь, уши у парня были загляденье – оттопыренные, большие. Прямо как у маленького слоненка.

– Небось с редактором поигрался? – прозорливо отметил Трифон. – Поигрался, а?

– Да ладно вам, – зло отмахнулся от юриста Павлик. – Я, когда отражение в воде увидел, чуть не заплакал!

– И это еще не предел? – посочувствовал парню я, тот мотнул головой, подтверждая, что моя догадка верна.

– Ну не грусти. – Я потрепал Павлика по голове. – Хорошо хоть уши увеличил, а не нос. Или какой другой орган, тут вообще была бы катастрофа.

– Да ладно, – засмеялся Трифон. – Прямо катастрофа!

– А ходить как? – постучал по лбу я. – По лесу, например? К ноге привязывать, что ли? Так что, Павлик, не печалься. Уши – вещь такая, не смертельная. Слушай, а тебе система вот так просто дала зарегистрировать имя «Павлик»?

– Да нет, меня так на самом деле зовут, – снова смутился юноша. – А тут я... Ну, там набор букв, я разозлился...

– Детский сад, – вздохнул Трифон.

Идти я решил в противоположную от равнины сторону. Возможно, что за ней будут сады с яблоками, а также большая река, и мое решение не является верным. Очень может быть. Но я не вижу, где эта равнина кончается. Вдруг она тянется километров сто или больше? Ну и самое главное – там может не быть воды, так что риск неоправданно велик.

Лес я тоже не рассматривал как вариант – там был и я, и Павлик, который, похоже, шел со мной параллельным путем.

Мы напились на дорожку и снова обогнули холм, идя фактически по своим же следам.

– Пойдем по кромке леса, – сказал я спутникам. – Если что, в него всегда можно нырнуть и там затаиться.

– А если что – это что? – Павлик шмыгнул носом.

– Люди – они разные бывают, – уклончиво ответил ему Трифон. – Мы вот гуманисты, а иные... Такие сволочи!

Видно, не хотел он рассказывать пареньку, как его гоняли двое ненормальных и потом еще чуть не придушили. Ну, оно

и правильно, чего парня раньше времени пугать?

Мы шли в выбранном направлении уже часа два, когда солнце начало клониться к закату. Пейзаж был однотипным – слева лес, справа – то поле, то какие-то холмы. Ни реки, ни селений – ничего. Неосвоенная земля, по-другому не скажешь. Фигня выходит. Заявок на общение с админами от людей было столько... Семизначная цифра. И где все эти админы?

– Вечереет, – отметил Трифон. – И вот что интересно. Выходит, местное время не совпадает с физическим.

– Почему? – не согласился с ним я. – Может, и совпадает.

– На земле смеркалось, когда нас сюда переместили. – Трифон зевнул. – Сейчас, по идее, светать должно, а не темнеть.

– Откуда ты знаешь, по какому времени админы Ковчега живут? – на пару с ним зевнул я. – Что если систему в какой-нибудь Австралии клепали или в Японии, вот тамошнее время и установили?

– Надо бы место для ночлега найти, – робко предложил Павлик.

– Ночлег – это прекрасно, – согласился с ним я. – Но вот какое дело... Мы спим, желудок – нет. Время уходит.

– А если мы не отдохнем, то выносливость резко пойдет вниз, – сообщил Трифон. – Отдых напрямую с ней связан. Не знаю, как у вас, а у меня она на пределе.

Я как-то на выносливость и не смотрел, а зря. Надо себе

такую привычку завести – проверять показатели, это не шутки вовсе.

– Ну, раз такое дело, тогда во-о-он там остановимся. – Я показал своим спутникам на небольшую лесную бровку, находящуюся примерно в километре от нас. – Там вроде холмы, стало быть, и вид оттуда будет хороший, и обзор славный.

– Обзор? – Павлик непонимающе поднял бровь.

– А ты как думал? – осадил я его. – Места незнакомые, кто тут шарится – неизвестно. Дежурить будем, по очереди, чтобы нас во сне не перебили.

– Я так думаю, что компенсация от компании-производителя должна быть немалой, – сказал неожиданно Трифон. – Если честно, мне обещали комфорт и удовольствия, вместо этого я чувствую себя партизаном каким-то.

– Партизанам было лучше, – ответил ему я.

– Чем? – печально спросил меня юрист, у которого, надо отметить, уже здорово подобрался живот и расширились плечи. Да и у Павлика уши прибавили в размерах, они уже напоминали небольшие лопухи.

– У них спички были, они могли костер разжечь.

Стемнело резко, так что Павлик оказался большим молодцом, подняв вопрос о ночевке. Не было сумерек, темнота наступила сразу, вдруг, поэтому до планируемого места мы добрались уже в ночи. Надо отметить – довольно-таки густой, потому как луны не было видно вовсе. А она здесь вообще

есть? Впрочем, в двух-трех шагах видимость была нормальной, скажем так – приемлемой.

– И смысл в дежурстве? – спросил Павлик нейтральным тоном. – Я все равно ничего не вижу.

– А ты слушай, – предложил ему я. – С такими ушами и зрение ни к чему.

Павлик, видно, хотел мне что-то ответить, но не стал. «Потихоньку учится субординации, – порадовался я. – Выйдет из него толк. Или, в крайнем случае, локатор!»

– Плохо без костра, – вздохнул Павлик. – Холодно и жутковато. А вот в пещерные времена дикие люди трением огонь добывали!

– Триш, дай ему палку. – Я лег на спину. – Давай, бери, три.

– Так я не знаю, чем обо что! – возмутился Павлик.

– Тогда и не предлагай изначально невыполнимые идеи, – наставительно произнес я. – Сначала про трение вспомнил, потом камнями постучать друг об друга предложишь...

– Там специальные камушки нужны, – присоединился к беседе Трифон. – Кварц... Или гранит? Я в детстве читал про это.

– И этот туда же! – Я не сдержал смешка. – А еще можно с помощью лупы огонь развести, как у Жюля Верна. Увы и ах, это все не наши варианты.

– Жрать охота, – сменил тему юрист. – Вот ведь, реальность виртуальная, а брюхо крутит, как в настоящей жизни.

— Это да. — Некий дискомфорт в желудке наличествовал. — Но и еды нет, так что будем спать. Первым дежурит Павлик, часа через три меня разбудишь.

— А как я пойму, что три часа прошло? — робко поинтересовался юноша.

— Считай, — посоветовал ему я. — Переводи секунды в минуты, а те — в часы.

— Давай я первый подежурю, — предложил Трифон. — Все равно не усну, кишка кишке стучит по башке. Не привык я на голодный желудок спать.

— Так а вы ягод поешьте, — раздался из темноты девичий голос. — Они сытные.

— Опа. — Я подобрался. — Барышня, спасибо за совет. А вы где там?

— Я тут, — ответил все тот же звонкий голосок. — В лесу.

— Так идите сюда, — предложил я. — Будете нам сестрицей названной. Мы люди смирные, спокойные, мы вас не обидим.

— Не могу, — помолчав, ответила девушка. — Я не одета.

— Мы тоже, — грустно отозвался Трифон. — Но по нынешним временам это уже норма вещей.

— Ну, я не знаю... — протянула девушка.

— А ягоды эти где? — плюнул на переговоры Трифон. — Далеко?

Девушка помолчала, а после сказала нам:

— Только вы на меня не пяльтесь, ладно?

— И не подумаем, — заверил ее я. — Мы и сами стесняемся,

поверьте.

Из темноты появилась стройная девичья фигура и подошла к нам.

– Вот, угощайтесь.

В руках у девушки был армейский защитный шлем, заполненный желтыми ягодами. Эту вещь я даже в местной темноте ни с чем не спутаю.

Глава 4

– Какой интересный у вас горшочек, хочу отметить, – сказал я. – И как же зовут нашу прекрасную избавительницу от голода?

– Настя, – откликнулась миниатюрная девушка, почти девочка, судя по немного угловатой фигуре и кое-каким иным особенностям. Она протянула мне шлем и очень быстро отошла назад, в темноту, где села под дерево, при этом как-то хитро сплетя ноги и руки, как могут делать только женщины. То есть было видно исключительно колени, локти и глаза.

– А мы не потравимся ими? – опасливо спросил Трифон, глядя на ягоды голодными глазами.

– Нет, – прозвенел Настин голосок. – Я их уже ела и жива до сих пор. Да мне сразу было понятно, что они съедобные.

– С чего бы такая уверенность? – Я протянул шлем Трифону – пусть все-таки он попробует ягоды первым. Не то чтобы его было совсем уж не жалко, но если бы пришлось выбирать между ним и Павликом, я бы выбрал Павлика. Из мальчишки еще может выйти толк, Триша же вряд ли будет полезен в ближайшем будущем. Юристы здесь не понадобятся еще долго, а других способов рационального применения этого человека я пока не видел.

Трифон запихнул в рот горсть ягод и жадно начал их жевать.

– Вкусно, – сообщил он нам и зацепил из шлема добавки, даже не подумав спросить, чего мы сами не едим. – Ошвежает.

– Ошвежает – это хорошо. – Я поймал взгляд Павлика и легонько отрицательно помотал головой. Не знаю, понял ли меня Павлик, но он кивнул и уставился на силуэт Настеньки. Ну а что вы хотели – ночь и луна, он и она. Хотя нет, луны пока не видать. А жаль.

– Тут много ягод, – подала голос кормилица и даже немного поилица, это было понятно по хлюпающим звукам, которые издавал Триша. Ягоды, видимо, были очень сочные. – Я видела пять разновидностей, две из них, правда, меня смутили – есть косвенные признаки их ядовитости.

– А вы разбираетесь в растениях? – заинтересовался я.

– Ну да, я же на втором курсе биофака учусь, – как-то даже немного обиженно сказала Настя. – Я биоэкологом буду, поэтому у нас ботаника – в обязательных дисциплинах. Ну и физиология растений – тоже. С вот этими ягодами мне все сразу было ясно. У них хотя и не самый правильный цвет для съедобных ягод, зато все остальные признаки благоприятные. Ягоды расположены кучно, сквозь кожуцу видны обильные семена, на кустарнике есть шипы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.